

ПЁТР I В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье представлен историографический анализ исследований правления Петра Великого, вышедших в современный, постсоветский период. Рассматриваются методы изучения и оценка личности первого русского императора и его реформ, подходы к основным вопросам петровской эпохи в исторической науке.

Ключевые слова: историография, история исторической науки, современная наука, реформы, Петр Великий.

Фигура Петра Великого – одна из самых знаковых фигур в отечественной истории, интерес к которой особенно возрастает во времена радикальных преобразований в обществе. Именно такое время настало в России в начале 1990-х годов, когда стала меняться идеология, подходы и взгляды к рассмотрению истории.

Больших конкретно-исторических исследований, отдельно посвящённых Петру как личности, в современной историографии нет: работы, вышедшие после распада СССР, либо изданы в самом начале 1990-х гг. (а значит, работа над исследованием проходила гораздо раньше), либо являются доработанными переизданиями, как, например, труды известного исследователя петровской эпохи Н.И. Павленко, и их правильнее отнести к советской историографии. Наиболее полно вопрос личности Петра затрагивается в статьях. Например, в статье И. Андреева «Пётр I и Карл XII – два портрета в интерьере истории» [1], где личность русского императора исследуется через сопоставление его с главным «коронованным оппонентом», шведским королём Карлом XII, на основе писем и свидетельств современников. Отмечается, что схожесть государей в непохожести на других и «упрощение Карла – одновременно и упрощение самого Петра», а в самом Петре выделяется простота и грубость, жестокость и пьянство, формировавшие «хмельной» стиль жизни нового двора. Также отмечается трудолюбие, которое стало определяющей чертой сформированного Петром нового образа монарха, чувство долга и то, что, в отличие от Карла, Пётр сам становится слугою государства: «судьба Петра и Карла – история извечного спора о том, какой правитель лучше: идеалист, ставивший превыше всего принципы и идеалы, или прагматик, твёрдо стоявший на земле и предпочитающий реальные, а не призрачные цели»; Андреев относит Петра к прагматикам.

А.А. Демичев посвятил статью реконструкции образа Петра Первого, сложившегося в сознании людей конца XVIII века, на основе анекдотов XVIII века как историографического явления [4].

В крупных монографиях также затрагивается вопрос о личности императора в контексте исследования реформ. Один из ведущих исследователей данного периода, Е.В. Анисимов, характеризует Петра как выдающегося человека и «фанатичного государственного романтика» [2, с. 4]. Он возводит формирование этих черт к детству, политической

* © Сержантова О.Д., 2021

Сержантова Ольга Дмитриевна (s.o.d.99@ya.ru), бакалавр исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва

придворной борьбе, свободе времяпровождения царевича и военным играм [9, с. 5-6; 2, с. 8]. В целом описание личности Петра Великого в современной историографии не претерпело изменений, но ученые к обращаются к новым источникам и методам, чтобы дать характеристику одной из самых неоднозначных фигур в российской истории, избегая прямой связи личностных черт с оценкой преобразований Петра.

Особое место занимает вопрос о преемственности реформ: была ли это исключительная инициатива Петра или закономерное развитие предшествующей эпохи? В постсоветской историографии не сложилось единого мнения. А.Б. Каменский в работе «От Петра I до Павла I» [6], посвящённой целостному анализу реформ XVIII века, указывает, что радикальным петровским реформам должен был предшествовать системный кризис. Эту позицию он противопоставляет утвердившемуся в советское время мнению о предшествующем высоком уровне развития страны в XVII веке: «Именно то обстоятельство, что переход системы в новое качество был невозможен без радикальной реформы... и является одним из свидетельств её кризиса» [6, с. 82]. Напротив, Е.В. Анисимов, отвергая теорию «кризисов и новаций», акцентирует внимание на таких предпосылках реформ, как личная неприязнь Петра к старине, политическая слабость элиты и отсутствие закрепляющих порядок власти правовых форм, при этом старую систему Анисимов считает исправной [3].

Помимо крупных обобщающих монографий, исследующих реформы комплексно, в последние десятилетия появляется множество конкретно-исторических исследований, в основном в формате статей, посвященных определенным сферам преобразований: финансам, государственному аппарату и т.д. В таких исследованиях также ставится вопрос о предпосылках реформ. Л.А. Муравьёва в «Финансовой политике Петра Великого» [8] развивает теорию кризиса как причины денежной реформы. Говоря о самой реформе, историк отмечала взвешенный и продуманный характер её проведения. Церковной реформе посвящена статья «Из церковной истории времён Петра Великого: исследования и материалы» [5] В. Живова, примечательная рассмотрением и введением в научный оборот сочинения митрополита Стефана Яворского и опровержением мнения о пассивной оппозиции реформам Петра. Но здесь автор говорит о преемственности церковных реформ от Алексея Михайловича и его старших детей: «Молодой Пётр не выступает в качестве радикального новатора. Он действует в тех координатах, которые обозначились при его старшем брате и сестре: поддерживает европейские инновации и утверждает права царства, ограничивая роль священства. Однако, продолжая, он развивает и преобразует» [5, с. 37].

Говоря о деятельности Петра Великого, нельзя упустить из вида его внешнюю политику. В постсоветской историографии Северной войне и связанной с ней теме армии уделено немало внимания. Например, в исследовании А.В. Кутищева «Армия Петра Великого: европейский аналог или отечественная самобытность» [7] рассматриваются прежде всего условия становления русской регулярной армии, которые повлияли и на формирование её типа. Таковыми были финансовая ограниченность и недоверие царя к московскому войску. Истоки реформ автор видит в деятельности предшественников Петра, при этом военную реформу Кутищев определяет как «локомотив» всех преобразований.

Подводя итоги, следует отметить, что новый этап развития отечественной историографии неразрывно связан с произошедшими в стране социально-политическими изменениями. Шёл пересмотр прежних идей и установок, появились новые концепции истоков реформ, которые прямо противопоставлялись советскому пониманию, развивалось изучение отдельных направлений преобразований, особенно церковного, вводились в оборот ранее не использованные источники.

Библиографический список

1. Андреев И. Пётр I и Карл XII – два портрета в интерьере истории // Наука и жизнь. 2005. № 7. С.104-113 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/1378>
2. Анисимов Е.В. Пётр Великий: личность и реформы. М.: Питер, 2009. 446 с.
3. Анисимов Е.В. Почему Пётр? // Родина. 2007. №11. С. 2-4.
4. Демичев А.А. Образ Петра I как «идеального» монарха в российском менталитете XVIII века (по материалам исторических анекдотов) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 4(20). С. 20-25.
5. Живов В. Из церковной истории времён Петра Великого: Исследования и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 355 с.
6. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 2001. 575 с.
7. Кутищев А.В. Армия Петра Великого: европейский аналог или отечественная самобытность. М.: Компания Спутник+, 2006. 407 с.
8. Муравьёва Л.А. Финансовая политика Петра Великого // Финансы и кредит. 2007. №9. С. 72-80.
9. Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты / сост. Анисимов Е.В. СПб.: Пушкинский фонд; М.: Париж; Нью-Йорк: Третья волна; М.: Внешсигма, 1993. 447 с.